

Непокойчитский Константин — нас покинул

Константин Непокойчитский
Photo Harry Meerson

КТО не знал в художественном и артистическом мире Парижа нашего друга «Костю Непо»?.. Его знали художники, артисты, журналисты, литераторы, поэты, танцовщики.

Знали его и любили, а узнав сегодня о его внезапной смерти (30-ХІ), одни его оплакивают, другие по нем грустят, третьи поминают добрым словом, четвертые остаются немые.

Родился «Костя Непо», как звали его друзья, знакомые и незнакомые, в Москве в 1914 году. Отец его был блестящим офицером одного из славных полков Русской Императорской армии, который, выбрав себе в супруги «красавицу цыганку», — певицу Ньюру Масальскую, должен был покинуть свой полк и расстаться с военной карьерой, чего требовала тогда традиционная честь полка.

В революционные годы мальчик Непо со своим старшим братом был увезен матерью в зарубежье, в изгнание. Началась трудная бродячая жизнь. Теплый и нежный тембр голоса матери, музыкальность, «цыганская краса», трудолюбие Масальской — неустанно певшей в ночных парижских кабаре (в «Шехерезаде» и в «Кавказском замке») — дали ей материальную возможность воспитать по достойному своих сыновей и даже определить их в Оксфордский университет в Англии.

Но ученье это продолжалось недолго. Дети вскоре вернулись к своей матери. Тяга у Кости была не к наукам, а к искусству, к богемной жизни. Мать Непо Ньюру Масальскую я нежно, по сыновьи любил и часто после моей работы в Парижской Опере забегал к ней на теплый огонек, зачарованно слушать цыганские и русские песни...

Там бывал я не один, нет, там я неоднократно встречал князя Феликса Юсупова, наших великих князей, Шаляпина, «Малю» Кшесинскую, княжну Наташу Палей и блестящую франко-космополитную знать. Русская пляска, цыганская песня, грузинский танец опьяняли всех, заставляя одних веселиться, а у других разжигали тоску по родине.

В программе Масальскую сменяли Вертинский, Дима Усов, Сергеевский, Адже-Хан, Поляков, а бывшие в прошлом гвардейские офицеры — разодетые здесь в театральные черкесски, обшитые золотыми галунами, — с блеском, гордо, по-военному обслуживали, подавая пылающие шашлыки, разливая и наполняя шампанским бокалы.

Молодой Непо вскоре открыл свое призвание — живопись. Обладая привлекательной наружностью, всегда со вкусом одетый, всегда веселый, предупредительный, услужливый, он своим шармом и талантом привлекал к себе собеседников из разных слоев общества.

Портретист Непо вскоре получил признание художественного мира, и его выставки усердно посещались публикой парижской, римской, лондонской. В каждом живописном произведении Непо, кроме качеств технических, было заложено устремление к психологическому исканию и разрешению. Непо вскоре влюбился в балет. А от станковой живописи до театральной — один шаг! Запомнились мне декорации к «Обаду», «Памяти героя», «Нотеосу»... Его сотрудничество с князем Шервашидзе (декоратором «Русских балетов» — писавшего декорации Пикассо, Дерена, Бенуа, Матисса) — в поста-

новке моего грузинского балета «Шота Руставели» на музыку Онеггера, Черепнина, Арсани, с театральными находками «действия» Евреинова, созданного в Монте-Карло и Лондоне в 1946 г., — было встречено публикой и прессой восторженно.

Натура Непо, повторяю, была многогранной. Снимался он в фильмах, играл в театре, развлекал своей «семиструнной» и своими напевами друзей, в чем выявлялось что-то грустное... далекое... манящее.

Его продолжительная связь с французской балериной была для нее даром — она получила от Непо культуру и понятие о «славянской душе», а ему не принесла, по его признанию, ничего, кроме будничной заботы «и ношения ее чемоданчика в театр с балетными туфлями и трико»...

Цыганская кровь звала его к новой аванюре, к новой инициативе. Богемной жизнью он жил и ею «питался», увлекаясь всем, приветствуя все новое, молодое. Осчастливлен он был только в последние годы, встретив снова свою первую любовь, свою «грузинскую княжну»...

И вдруг — внезапный конец!.. На окраине Парижа, у своего дома под Новый год, возвращаясь от ветеринара с котенком в руках... Непо умер мгновенно — от разрыва сердца...

Плачут по нем грузинская княжна и Алеша из семьи Поляковых. Горюют друзья его, горюю и я. Но я по-братски любил. Любил его слушать. Любил с ним говорить. Много в нем было неясным, многое ясно... Нас связывала «метафизическая тропа» нашего восприятия красоты в жизни и в искусстве. Не будет у нас больше разговоров. Непо нас покинул.

Сергей Лифарь

Чл.-корр. Академии
изящных искусств

Париж